

К ВОПРОСУ ОБ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКЕ БОЛЬШЕВИКОВ 1930-х гг. ПО ОТНОШЕНИЮ К ДУХОВЕНСТВУ И МИРЯНАМ УЛЬЯНОВСКО- МЕЛЕКЕССКОЙ ЕПАРХИИ

Протоиерей Пётр Сергеевич Гурьянов

аспирант кафедры церковной истории
Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
petr.gurjanv@rambler.ru

Для цитирования: Гурьянов П. С., протоиер. К вопросу об антирелигиозной политике большевиков 1930-х гг. по отношению к духовенству и мирянам Ульяновско-Мелекесской епархии // Церковный историк. 2024. № 3 (17). С. 86–97. DOI: 10.31802/СН.2024.17.3.006

Аннотация

УДК 2-674.5

В настоящей статье будет освящён важный аспект антирелигиозной политики большевиков по отношению к духовенству и мирянам Русской Православной Церкви в 1930-х гг. Примерами гонений на Церковь станут судебные дела священников и мирян Ульяновско-Мелекесской епархии, на материале которых можно наглядно представить изменение риторики советской власти по отношению к клирикам и мирянам Православной Церкви. В этот период можно обозначить три условных отношения советской власти к религиозным организациям: нарастание репрессивной политики, её ослабление и пик репрессий в 1937 г. Особое внимание уделяется судебным делам, в которых использовалась формулировка «контрреволюционная деятельность». Однако большинство анализируемых следственных дел подтверждают, что даже простое упоминание религиозной принадлежности в биографии человека становилось основанием для подозрений и, в конечном

итоге, приводило к его обвинению в совершении преступления. Статья также рассматривает различные обвинения и причины, которые могли стать поводом для наложения репрессий на духовенство и мирян, приводится статистика репрессивных обвинений. Рассмотренные судебные дела говорят о стремлении советской власти избавиться от духовенства и верующих, не только в рамках антирелигиозной кампании, но и с использованием «возможностей» советского законодательства.

Ключевые слова: Гонения, репрессии, духовенство, миряне, Ульяновск, Мелекес, религиозная политика, большевики.

On the anti-religious policy of the Bolsheviks in the 1930s towards the clergy and laity of the Ulyanovsk-Melekeksskaya diocese

Archpriest Pyotr S. Guryanov

Postgraduate student at the Department of Church History
at the Moscow Theological Academy
141300, Sergiev Posad, Trinity-Sergiev Lavra, Academy
petr.gurjanv@rambler.ru

For citation: Guryanov, Pyotr S., Archpriest. "On the anti-religious policy of the Bolsheviks in the 1930s towards the clergy and laity of the Ulyanovsk-Melekeksskaya diocese". *Church Historian*, № 3 (17), 2024, pp. 86–97 (in Russian). DOI: 10.31802/CH.2024.17.3.006

Abstract. This article will focus on an important aspect of the anti-religious policy of the Bolsheviks toward the clergy and laity of the Russian Orthodox Church in the 1930s. Examples of persecution of the Church will be the court cases of priests and laity of the Ulyanovsk-Melekeksskaya diocese, which can be used to visualize the changing rhetoric of the Soviet authorities toward the clergy and laity of the Orthodox Church. During this period, we can identify three conditional attitudes of the Soviet authorities toward religious organizations: the growth of repressive policy, its weakening, and the peak of repression in 1937. Particular attention is paid to court cases in which the wording «counter-revolutionary activity» was used. However, most of the investigative cases analyzed confirm that even the mere mention of religious affiliation in a person's biography became grounds for suspicion and eventually led to his being accused of committing a crime. The article also examines the various accusations and reasons that could be the reason for imposing reprisals on clergy and laity, and provides statistics on reprisal charges. The court cases reviewed speak of the Soviet government's desire to get rid of the clergy and believers, not only as part of the anti-religious campaign, but also by using the «possibilities» of Soviet legislation.

Keywords: Persecution, repression, clergy, laity, Ulyanovsk, Melekess, religious policy, Bolsheviks.

Центральным документом, благодаря которому можно охарактеризовать отношения государства и Церкви в 30-е гг., является постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г.¹. Оно стало основанием для ужесточения религиозного политического курса государства в отношении Церкви, духовенства и активных верующих.

Необходимо отметить, что историография вопроса обширная. В рамках изучения репрессий в Ульяновско-Мелекесской епархии фундаментальным является текст прот. А. Скала² «Церковь в узлах: История Симбирской-Ульяновской епархии в советский период (1917–1991 годы)»³. Исследователь работает с региональными архивными материалами Симбирской епархии до 1917 года, а также изучает преследования

- 1 Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1929. № 35. Ст. 353.
- 2 Алексей Владимирович Скала родился 7 июля 1961 года в городе Самбор Львовской области УССР. Его отец был военным служащим. В 1980 году он окончил Самборский техникум механизации учёта. В 1986 году поступил в Ленинградскую духовную семинарию и успешно её закончил в 1990 году. С начала 1987 года Алексей Скала служил псаломщиком в Николо-Богоявленском соборе в Ленинграде. В 1988 году он был посвящён в диакона, а в 1989 году по приглашению епископа Прокла, который был назначен Ульяновским архипастырем, Алексей Скала приехал в город Ульяновск, где в то время насчитывалось всего два храма. Ему было назначено служение в кафедральном соборе во имя иконы Пресвятой Богородицы «Неопалимая Купина». В период с 1990 по 1993 годы он работал секретарём Ульяновского епархиального управления. В 1993 году он был назначен настоятелем новообразованного прихода Спасо-Вознесенского храма. Одним из главных достижений его жизни стало строительство Всехсвятского храма, где он также был настоятелем, и Спасо-Вознесенского собора. В 2006 году он был рукоположен в сан протоиерея, а в 2010 году был назначен благочинным храмов города Ульяновска. Он также преподавал в Ульяновском государственном университете, где читал лекции по библейской истории и катехизации на кафедре мировой культуры. Алексей Скала был одним из первых священников в Ульяновске, который начал использовать интернет для своей работы. В результате его усилий был написан ряд книг по истории и краеведению. В его монументальном труде «Церковь в узлах» содержится информация о сотнях имён симбирских священников, подвергнутых репрессиям в период советской власти. Благодаря его инициативе была найдена могила блаженного Андрея и произошла его канонизация. Он также содействовал восстановлению Симбирского Покровского некрополя на территории сквера имени И. Н. Ульянова и строительству памятной часовни. При его активном участии был установлен памятник жертвам политических репрессий. Алексей Скала скончался 3 апреля 2012 года после продолжительной болезни. См. подробнее: Алексей Владимирович Скала // URL: http://simblet.uonb.ru/?page_id=2187 (Дата обращения: 12.10.2023).
- 3 Скала А., прот. Церковь в узлах: История Симбирской-Ульяновской епархии в советский период (1917–1991 годы). Ульяновск, 2007.

православного духовенства в Симбирской-Ульяновской епархии с 1917 по 1928 год и притеснения православного духовенства в Ульяновской епархии с 1929 года до середины 1930-х годов.

Исследование К. А. Полозовой и А. А. Федотова «Репрессии против православного и обновленческого духовенства в России в 1936–1937 годах в контексте государственного законодательства (по материалам Ивановской области)»⁴ позволяет благодаря региональному примеру определить локальные аспекты гонений. В этом контексте исследуется история создания и деятельности последней Антирелигиозной комиссии Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической Партии (большевики), поиски способов усиления противорелигиозной работы в стране в 1937 году, особенности вовлечения духовно-церковных служителей и активных приверженцев Церкви в траекторию сталинских репрессий, вопросы закрытия церквей в этот период, а также результаты идеологических и репрессивных кампаний 1937–1938 годов в отношении церковных структур и верующих.

Исследование И. А. Курляндского «Власть и религия в годы «Большого террора» (1937–1938 гг.)»⁵ отображает, каким образом массовые репрессии и преследования церковных и религиозных сред в 1937–1938 годах были не только средством достижения предвыборных целей, но и мобилизационным проектом в духовной и идеологической сферах общества. Целью этих репрессий было утвердить монополию ведущей идеологии советского государства, что привело к подавлению критиков и оппонентов власти, особенно из церковной среды. Эти действия имели серьёзные последствия для религиозной жизни и свободы веры в СССР на протяжении многих лет.

Принудительная перерегистрация религиозных организаций, непосильное налогообложение для приходов, закрытие храмов и борьба со святынями — всё это ознаменовало период религиозного преследования верующих, который выражался открытием уголовных дел за приписанные обвинения в контрреволюционной агитации.

Этой политике способствовало решение XV съезда ВКП(б) 1927 г., который объявил курс на коллективизацию. Государственная машина

4 Полозова К. А., Федотов А. А. Репрессии против православного и обновленческого духовенства в России в 1936–1937 годах в контексте государственного законодательства (по материалам Ивановской области) // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 4 (20). С. 214–222.

5 Курляндский И. А. Власть и религия в годы «Большого террора» (1937–1938 гг.). По новым архивным документам // Труды Института российской истории. М.; Тула, 2010. С. 255–284.

объявляла всех несогласных с политикой реформ людьми, ведущими антисоветскую агитацию. Например, за распространение «провокационных слухов» и подготовку массовых выступлений в 1929 г. был арестован и осуждён на пять лет ссылки настоятель храма в селе Большая Кандаля Старомайнского района Средневолжского края Александр Сунгуров (1863–1937 гг.)⁶, при этом жители села выступили в защиту о. Александра⁷.

Следующим витком репрессивной политики большевиков стал совершенно секретный приказ ОГПУ от 2 февраля 1930 г. за № 44/21, названный «О ликвидации кулака как класса»⁸. С исполнением приказа осуществлялись мероприятия, имевшие прямое отношение к антирелигиозной политике: было принято решение закрыть церкви, молитвенные дома, усилить борьбу с сектантским движением⁹. Примером реализации этой антирелигиозной политики стала «кулацкая группировка», состоящая из четырёх зажиточных крестьян и священника Иакова Семёновича Кольчина (1889–1930 гг.) из села Красная Река Старомайнского района Средневолжского края¹⁰. Оказанное священником сопротивление по снятию колоколов храма и антисоветские проповеди, по показаниям свидетелей, оказались решающим фактором уголовного преследования¹¹. В заключительном обвинении указаны и другие причины осуждения «кулацкой группировки», согласно которым её члены представлены радикальной антисоветской ячейкой. В деле приводятся свидетельства о нелегальных совещаниях, где обсуждали вопрос — «как противодействовать мероприятиям, проводимым на селе», вели агитацию против кампании хлебозаготовок и сбора задатков на трактора, «запугивали бедноту и актив села, ввиду чего задержалась коллективизация села и проводимые кампании», «активно способствовали белым и задерживали наступления красных, сжигая мосты»¹². Отца Иакова расстреляли через два месяца после ареста по ст. 58-10 УК РСФСР. Известно

6 Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 552.

7 АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 2315. Л. 19.

8 См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. (1927–1939). Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 3. (Конец 1930–1933 гг.) / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2001. С. 163–167; Курляндский И. А. Власть и религия в годы «Большого террора» (1937–1938 гг.). По новым архивным документам // Труды Института российской истории. М.; Тула, 2010. С. 255–284.

9 Там же. С. 130.

10 Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 545.

11 АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 5264. Л. 86.

12 Там же. Л. 98.

всего о двух «расстрельных» приговорах на территории Мелекесского викариатства в 1930-х годах¹³.

В отношении осуществления репрессий к городским священнослужителям ОГПУ действовало, используя другую схему. Особому вниманию со стороны силовых структур государства стали подвергаться контрреволюционные ячейки и группы, которые якобы имели влияние на деревню. Для решения задачи по очистке города от нежелательных элементов, согласно секретному предписанию полномочного представителя ОГПУ по Средневолжскому краю от 16 октября 1930 г., было необходимо репрессировать лиц, относящихся к «социально-вредному слою общества»¹⁴, т. е. безработных. После закрытия храмов священники остались без работы и сразу попали в категорию врагов советского общества. Мирян, которые не попадали под категорию безработных, власть репрессировала за антисоветскую деятельность.

Например, в городе Сингелей Сингелеевского района за «злостную контрреволюционную агитацию» летом 1931 года были осуждены и приговорены к лишению свободы сроком на три года протоиерей Лебязьев Михаил Николаевич (1865–? гг.)¹⁵, диакон Грачёв Иоанн Феоктистович (1884–? гг.)¹⁶, а также двое активных верующих за то, что «в целях борьбы с мероприятиями Советской власти, проводимыми на селе, вели усиленную агитацию против таковой, а также агитировали против проводимой кампании по закрытию церкви»¹⁷. Никто из обвиняемых виновными себя в предъявленном им обвинении не признал.

В целом, за период с 1929 по 1932 гг. на территории Мелекесского викариатства Ульяновской епархии¹⁸ были осуждены и приговорены к лишению свободы сроком от 3 до 10 лет 63 священника и церковных служителя, а также 25 активных мирян. Два священника были расстреляны¹⁹.

В 1933–1934 гг. произошли изменения в репрессивной политике государства. Радикальная политика власти по отношению к крестьянству привела к нехватке трудовых ресурсов на селе. Об этом свидетельствует секретная инструкция за подписью Председателя Совета Народных

13 В 1930 году также был расстрелян священник Гневушев Александр Федорович.

14 Цит. по: Скала А., *прот.* Церковь в узах. С. 358.

15 Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 510.

16 Там же. С. 502.

17 АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 4799. Л. 91.

18 До 1937 г. Мелекесская епархия являлась викариатством в составе Ульяновской епархии.

19 Эти расчёты были произведены на основе данных в «Книге памяти жертв политических репрессий».

комиссаров СССР В. Молотова и Секретаря ЦК ВКП(б) И. Сталина от 8 мая 1933 г., в которой отмечаются успехи репрессивной политики государства. Однако помимо успехов сказано ещё и о том, что репрессии задели не только «кулаков, но и единоличников, и часть колхозников»²⁰. Так называемые «перегибы на местах» привели к массовым арестам председателей колхозов, членов правлений колхозов, председателей сельсоветов, секретарей ячеек, районных и краевых уполномоченных²¹. В итоге, было принято решение смягчить наказание в виде заключения в лагерь на принудительные работы²².

В Мелекесском викариатстве Ульяновской епархии было возбуждено пять судебных дел в отношении православного духовенства и активных верующих в 1933 г. (в 1934 году судебных дел на данной территории возбуждено не было). Все обвинительные приговоры характеризовались своей мягкостью в сравнении с предыдущими годами. В основном дела строились на доносах «особо активных граждан», что не позволяло подвергнуть расстрелу верующих и духовенство епархии.

Всего в означенный период на территории Мелекесского викариатства были осуждены и приговорены к лишению свободы сроком от 3 до 5 лет 9 священников и церковных служителей, а также один активный мирянин²³.

В 1935–1938 гг. происходит усиление репрессий против духовенства и активных мирян. На законодательном уровне необходимо отметить постановление Президиума Верховного Суда РСФСР от 14 февраля 1935 г., согласно которому была введена уголовная ответственность за совершение религиозного обряда над детьми без согласия родителей. Совершение Таинства Крещения стало уголовно наказуемым. Таким образом, действие, совершённое без согласия родителей — социальное опасно²⁴.

В этом же репрессивном контексте продолжались аресты и высылки духовенства и мирян по обвинениям за антисоветскую агитацию. В 1935 году на территории Мелекесского викариатства Ульяновской епархии по данному обвинению были осуждены и приговорены к высылке в Красноярский край сроком на 5 лет священник Тихонов Ефим Иванович (1862–? гг.), а также 7 мирян. Один мирянин был отправлен

20 Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 747.

21 Там же.

22 Там же С. 749.

23 См.: Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 514.

24 Скала А., *прот.* Церковь в узах. С. 536.

в исправительный трудовой лагерь (далее — ИТЛ) сроком на 3 года. Согласно обвинительному заключению, эти люди собирались в сторожке Криюшинской церкви в селе Криюши Сенгилеевского района и в «контрреволюционном духе» истолковывали Священное Писание и пели антисоветские стихи. В этих собраниях также принимали участие жители других сел Сингилеевского и Ульяновского районов, число участников иногда доходило до 80 человек²⁵. Религиозные песнопения, в которых тема Страшного Суда являлась одной из главных, очевидно, принимали контрреволюционную окраску, а распространители стихов становились врагами народа²⁶. Также стоит выделить случай ареста иеромонаха Иннокентия (Ромашев И. Д.) и четырёх жителей села Базарно-Мордовский Юрткуль Старомайнского района за контрреволюционную деятельность. Обвиняемые были приговорены к заключению в ИТЛ сроком от 1 до 5 лет²⁷.

Принятие новой «Сталинской» Конституции 1936 г. задало новый виток репрессивной религиозной политики. Духовенство не должно было принимать участия во всеобщих выборах, которые провозглашались в новой конституции: социальное происхождение теперь не являлось препятствием для осуществления священнослужителями права участвовать в выборах депутатов и быть избранными депутатами Верховного Совета СССР (если они не находились в местах лишения свободы)²⁸. Поэтому усиление репрессий стало логичным шагом по укреплению власти советских элит. Несмотря на то, что официальное постановление Конституции 1936 г. способствовало укреплению прав и свобод граждан, на практике гонения на Церковь лишь усилились²⁹.

Так как новая Конституция предполагала широкие выборы, то духовенство имело надежды на участие в них для активного участия в жизни государства. Это позволило бы, как думали тогда некоторые священники, улучшить положение Церкви в советском обществе. Воспользоваться

25 АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 4829. Л. 78.

26 Там же. Д. 4829. Л. 77.

27 Там же. Д. 4829. Л. 182–186.

28 Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 23.08.2018).

29 Подробнее см.: *Полозова К. А., Федотов А. А.* Репрессии против православного и обновленческого духовенства в России в 1936–1937 годах в контексте государственного законодательства (по материалам Ивановской области) // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 4 (20). С. 214–222.

своими гражданскими правами, данными Конституцией 1936 года, духовенству не дали. Официально об этом говорить было невозможно, поэтому в НКВД разрабатывались разнообразные основания для масштабных репрессий.

30 июля 1937 г. наркомом внутренних дел СССР Н. Ежовым был подписан совершенно секретный оперативный приказ за № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». В этом приказе отдельно отмечалась необходимость работы с духовенством: «в прошлом репрессированных церковников и сектантов <...> Из-за недостаточности борьбы с этим уголовным контингентом создались условия безнаказанности, способствующие преступной деятельности»³⁰. Уже 5 августа 1937 г. во всех республиках, краях и областях «начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников»³¹. Для этой операции был утверждён количественный «план» репрессируемых. На территории нынешней Ульяновской области (региона расположения Мелекесской епархии) было расстреляно более 1500 человек, а всего репрессировано около 8000 человек³².

Как утверждает Ю. Р. Такала, в обосновании масштабных гонений на священнослужителей присутствовал «шпионский дискурс»: согласно обвинениям силовых структур, духовенство участвует в организациях, имеющих тесную связь с врагами советской власти³³.

В ракурсе такой аргументации репрессирующих органов можно привести показательный пример священника Ткачука А. Л., проживавшего в селе Русская Темрязань Кузоватовского р-на. Дело начато и окончено 27 октября 1931 г. Сызранским ОС ОГПУ. По настоящему делу постановлением «тройки» священник Ткачук Антоний Лукич был приговорён к заключению в концлагерь сроком на 3 года.

Арест был совершён по обвинению в шпионаже, поскольку он был родом из «буржуазной» Польши и долго проживал на её территории. Все подозрения в шпионской деятельности православного священника оказались беспочвенными, однако в начале 1930-х гг. был самый пик

30 Оперативный приказ Народного комиссара Внутренних Дел Союза С. С. Р. № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов // URL: <https://rg.ru/2017/06/05/rodina-prikaz-00447.html> (дата обращения: 15.09.2017).

31 Там же.

32 Скала А., *прот.* Церковь в узах. С. 552–553.

33 Cf.: Takala J. «Border Locked!» Special Aspects of State Terror in the Karelian Border Region of the 1920s – first half of the 1930s // *Revue d'histoire nordique*. 2015. № 19. P. 103–127.

обвинений в антисоветской пропаганде. По итогу, в заключительном обвинении отца Антония было указано, что «в своих проповедях Ткачук часто призывал молиться за пострадавших, говоря, что скоро настанет момент, когда пострадавшим будет воздано, а те, которые причиняли им эти бедствия, получают по заслугам»³⁴.

Число репрессивных обвинений в Мелекесской епархии увеличивается. НКВД оказывает всяческое давление на религиозных деятелей и простых верующих с целью не допустить их до участия в выборах, гарантированных Конституцией.

Контрреволюционные организации на территории нынешней Мелекесской епархии в 1930-е годы, как правило, создавались на бумаге в недрах Куйбышевского областного управления НКВД. Согласно разработанной там легенде, всё духовенство и сектанты создали областную «фашистско-повстанческую церковно-монархическую контрреволюционную организацию» во главе с архиепископом Куйбышевским Иринеем (Шульминым) (1893–1938 гг.). Разумеется, целью этой организации было «свержение советской власти»³⁵.

В Ульяновском горотделе НКВД в начале осени 1937 г. появились копии многостраничных «признательных» показаний арестованного в Куйбышеве архиепископа Ириней (Шульмина). В его показаниях фигурировали имена «активных членов» контрреволюционной областной организации — местных архиереев и наиболее известных священников. В ходе допросов появлялась новая информация о мифической организации «контрреволюционеров», некоторые арестованные оговаривали себя и называли имена других «заговорщиков» из среды духовенства и мирян. Следует отметить, что все эти признания и показания были сфальсифицированы и написаны заранее самими следователями. Подписи под такими признаниями часто получали при помощи пыток. Об этом свидетельствует пересмотр дела Военным Трибуналом Приволжского военного округа от 14 января 1956 года. Согласно секретному определению Трибунала, решение «тройки» было отменено, а дальнейшее преследование обвиняемых было прекращено, так как их действия не соответствовали составу преступления. В данном определении содержатся важные и иллюстрационные факты, свидетельствующие о вымышленном характере «контрреволюционной церковно-сектантской организации в Куйбышевской области»³⁶.

34 АУФСБ УО. Ф. 8. Д. 692. Л. 19.

35 Скала А., *прот.* Церковь в ухах. С. 553.

36 Там же. С. 765.

На территории Мелекесского викариатства Ульяновской епархии в 1935–1936 гг. два священника и 12 мирян были приговорены к лишению свободы на срок от 1 года до 8 лет. В 1937 году репрессиям подверглись 56 священников и церковных служителей, из них были расстреляны 33 человека. Остальные были приговорены к лишению свободы сроком на 10 лет. Также были подвергнуты репрессиям 60 активных мирян, среди которых 22 человека были расстреляны, а 38 человек были лишены свободы сроком от 8 до 10 лет. В 1938 году возбуждённых судебных дел в отношении православного духовенства и мирян на рассматриваемой территории обнаружено не было³⁷.

Таким образом, в 1937 г. репрессивная политика государства ужесточилась, а масштаб репрессий в отношении граждан страны, в том числе и духовенства, достиг своего апогея. На территории Мелекесского викариатства большая часть обвинений была связана с контрреволюционной деятельностью, агитацией — 14 дел, в семи делах в обвинительных заключениях встречаются стандартные формулировки — «антисоветская деятельность», «антисоветская пропаганда», одно дело возбуждено в связи с «сопротивлением власти», также одно дело возбуждено в отношении «кулацкой» группировки, ведущей «антиколхозную агитацию»³⁸.

Подводя итог, можно отметить, что политика большевиков по отношению к духовенству и активным мирянам Церкви зачастую официально обосновывалась внерелигиозными мотивами. Советская власть активно преследовала духовенство и верующих, используя политические мотивы и «возможности» советского законодательства. Судебные дела с «колхозной» подоплёкой и обвинения в антисоветской деятельности стали основой для арестов и наказаний. Политические мотивы также встречались в различных судебных делах, связанных со шпионажем, оскорблением советских работников и другими нарушениями. Количество дел и обвинительных приговоров верующим увеличилось, а в 1937 г. в Мелекесской епархии была проведена «чистка» православного духовенства. В итоге, к концу 1937 года в тюрьмах оказались практически все архиереи Ульяновской епархии, большинство духовенства и монахи, а также активные члены церковных советов. Это печальная глава в истории советской антирелигиозной политики, которая привела к сокрушительным последствиям для клириков и мирян Православной Церкви.

37 См.: Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1. С. 544.

38 См.: Скала А., *прот.* Церковь в узах. С. 561–777.

Библиография

- Алексей Владимирович Скала // URL: http://simblet.uonb.ru/?page_id=2187 (Дата обращения: 12.10.2023).
- АУФСБ УО. Д. 2315. Дело священника села Большая Кандаля Старомайнского района Александра Сунгурова. 1929 г.
- АУФСБ УО. Д. 4799. О злостной контрреволюционной агитации в городе Сингелей Сингелеевского района. 1931 г.
- АУФСБ УО. Д. 4829. Дело священника Тихонова Ефима Ивановича. 1935 г.
- АУФСБ УО. Д. 5264. Дело о кулацкой группировке в селе Красная Река Старомайнского района Средневолжского края. 1930 г.
- АУФСБ УО. Д. 692. Дело священника Ткачука А. Л. 1931 г.
- Книга памяти жертв политических репрессий. Ульяновская область / Рос. Федерация. Ульян. обл.; Сост. и ред.: Ю. М. Золотов. Ульяновская обл. прокуратура / Ульяновск, 1996. Том 1. 1022 с.
- Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 23.08.2018).
- Курляндский И. А. Власть и религия в годы «Большого террора» (1937–1938 гг.). По новым архивным документам // Труды Института российской истории. М.; Тула, 2010. С. 255–284.
- Оперативный приказ Народного комиссара Внутренних Дел Союза С. С. Р. № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов [Электронный ресурс] // Электрон., текст. и граф. дан. URL: <https://rg.ru/2017/06/05/rodina-prikaz-00447.html> (дата обращения: 15.09.2017).
- Полозова К. А., Федотов А. А. Репрессии против православного и обновленческого духовенства в России в 1936–1937 годах в контексте государственного законодательства (по материалам Ивановской области) // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 4 (20). С. 214–222.
- Скала А., *прот.* Церковь в узак: История Симбирской-Ульяновской епархии в советский период (1917–1991 годы). Ульяновск, 2007. 968 с.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. (1927–1939). Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 3. (Конец 1930–1933 гг.) / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2001. 1008 с.
- Takala I. «Border Locked!» Special Aspects of State Terror in the Karelian Border Region of the 1920s — first half of the 1930s // Revue d'histoire nordique. 2015. № 19. P. 103–127.